

Евгений Борисов

**ПРЕДИСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ «ГЕРМЕНЕВТИКИ
КАК ОБЩЕЙ МЕТОДОЛОГИИ НАУК О ДУХЕ» Э. БЕТТИ**

1

Итальянский правовед Эмилио Бетти (1890–1968) является автором детально разработанного проекта *методологической* герменевтики – учения о понимании как универсальной познавательной процедуре гуманитарных наук. Его исследования в области юридической герменевтики и герменевтической методологии гуманитарных наук в целом представлены в двухтомном трактате «Общая теория интерпретации²» (1955). «Герменевтика как общая методология наук о духе³» – лаконичный (64 стр.), но систематический текст, написанный по-немецки и опубликованный в 1962 г., спустя два года после выхода в свет «Истины и метода» Гадамера. Эту работу можно рассматривать как своего рода манифест методологической герменевтики, которую Бетти темпераментно отстаивает в полемике с философской герменевтикой Гадамера и близкими проектами, такими как теологическая герменевтика Бульмана.

Ниже публикуются последние двенадцать параграфов текста, в которых формулируется четвертый «канон» (методологический принцип) понимания и разворачивается полемика с герменевтическими идеями Хайдеггера, Бульмана и Гадамера. В данном предваряющем очерке я попытаюсь вкратце определить исходные понятия Бетти, эксплицировать основную проблему его исследований и соотнести его проект с альтернативными герменевтическими концепциями Гадамера и Апеля.

Интерпретация (предварительное определение). Бетти рассматривает интерпретацию как познавательную процедуру, имеющую целью понимание. Объектом интерпретации является иная субъективность (или, как предпочитает выражаться Бетти, дух). Имея в виду дильтеевское противопоставление понимания и объяснения как основных познавательных процедур наук о духе и наук о природе, Бетти подчеркивает, что «объект» интерпретации кардинально отличается от природного объекта⁴: объект интерпретации – это другой субъект, и в герменевтическом процессе он выступает не как вещь, а как собеседник, т. е. участник актуальной субъективной жизни самого интерпретатора (подробнее об этом ниже).

Предмет интерпретации Бетти определяет как «смыслосодержащую форму», в которой некий «дух» объективирован и, таким образом, доступен для другого духа (интерпретатора). Для смыслосодержащей формы существенны два аспекта: 1) В онтологическом аспекте она наделена *функцией презентации* смысла, что и делает ее предметом

возможного понимания. Функция презентации может быть явной или имплицитной. Иначе говоря, смыслодержающие формы могут быть явным образом предназначены для выражения смысла (тексты, знаки, произведения искусства), но могут также выполнять эту функцию имплицитно: таковы практические действия людей (не имеющие коммуникативной цели), исторические события, археологические находки, социальные институты и системы, язык и т. д.⁵ 2) В формальном аспекте смыслодержающая форма представляет собой «единую структурную взаимосвязь» [4, S. 8], благодаря которой заключенный в ней смысл обладает внутренним единством. Эти аспекты смыслодержающей формы находят свое методологическое выражение в первых двух «канонах» интерпретации.

Теперь, определив исходные понятия Бетти, можно более детально эксплицировать понятие *интерпретации*. На мой взгляд, специфику герменевтического проекта Бетти определяют следующие положения:

1) *Онтологической предпосылкой* интерпретации является «глубочайшее внутреннее родство», объединяющее объективированный в смыслодержающей форме «чужой дух» и субъективность интерпретатора. Понимание возможно благодаря тому, что смысл есть «дух от человеческого духа и (говоря словами Гуссерля) порожден той же самой трансцендентальной субъективностью» [4, S. 29].

2) Интерпретация и понимание соотносятся как *действие и результат*: «мы можем предварительно определить *истолкование* как деятельность, следствием и целесообразным результатом которой является *понимание*» [4, S. 11]. Это принципиальное положение, отличающее методологическую герменевтику от философской. В основе последней лежит хайдеггеровская трактовка понимания как изначального онтологического феномена, который является не *результатом* интерпретации, но ее *предпосылкой*⁶.

3) Интерпретация представляет собой «*инверсию процесса творчества*»: «интерпретатор должен на герменевтическом пути пройти путь творчества в обратном направлении, воспроизвести творческую мысль в собственном духе» [4, S. 13]. Иными словами, творчество – это овнешнение смысла, изначально формирующегося внутри сферы субъективности; интерпретатор же осуществляет его «интериоризацию» при которой смысл «перемещается в чужую субъективность, отличную от исходной» [4, S. 13].

4) Эта трактовка интерпретации склоняет к тому, чтобы квалифицировать герменевтику Бетти как *реконструктивную* в смысле Гадамера⁷. Но важно иметь в виду, что реконструктивный характер интерпретации не превращает ее в пассивное восприятие смысла: «Конечно, задача интерпретатора состоит только в том, чтобы отыскать

подразумеваемый смысл чужого (или относящегося к прошлому) изъяснения мысли, понять проступающий в нем способ мыслить и видеть [вещи]. Однако такого рода смысл и способ видеть [вещи] не является предметом для голой рецепции, неким готовым продуктом, который можно было бы чисто механически извлечь из смылосодержащей формы; напротив, они суть нечто такое, что интерпретатор должен заново познать (*wiedererkennen*) и повторно конституировать (*nachkonstituieren*) в себе самом, используя свое чутье, свою пронизательность, собственные мыслительные категории, знания и опыт» [4, S. 20]. Иначе говоря, специфика объекта интерпретации (в отличие от объекта естественнонаучного объяснения) состоит в том, что он требует – в качестве условия возможности понимания – вышеупомянутой интериоризации: понимание не сводится к тому, что мы принимаем «к сведению», например, мнение другого, вместе с тем не принимая его «всерьез», как возможность для моего собственного мышления. Если мнение определить как смысл *для другого*, то «познание заново» и «повторное конституирование» означает, что выявляемый в интерпретации смысл оказывается смыслом *для меня* (интерпретатора): интерпретируя, я в себе самом воспроизвожу смыслоучреждающее «формообразующее движение» [4, S. 11] и тем самым включаю понимаемый смысл в сферу моей собственной актуальной жизни. Этот тезис выводит герменевтическую концепцию Бетти за рамки объективизма «исторического сознания», как его определяет Гадамер⁸, а вместе с тем, – поскольку именно в «историческом сознании» он видит последовательную реализацию реконструктивной герменевтической стратегии, – и за рамки гадамеровского противопоставления реконструкции и интеграции.

Перечисленные положения задают *основную герменевтическую проблему*: интерпретация разворачивается в поле напряжения между когнитивными идеалами объективности и субъективной актуальности толкуемого смысла для интерпретатора. Каждый из этих идеалов не действует без другого. С одной стороны, чисто объективистская герменевтическая установка, предполагающая «нейтрализацию» собственной субъективности интерпретатора, была бы самопротиворечивым предприятием, поскольку смысл по существу возможен в качестве актуального для понимающего субъекта. С другой стороны, если «актуализирующая» интерпретация забывает об объективности смысла, она не может претендовать на когнитивную истину, что ставит под вопрос ее научную значимость. Но как совместить эти требования, если общность «духа», объективированного в смылосодержащей форме, и жизненного мира интерпретатора, не гарантирована ничем, кроме формального единства универсальной

«трансцендентальной субъективности»? Как найти «золотую середину» между объективирующей реконструкцией и релятивизирующей ассимиляцией? Это сквозной вопрос методологической герменевтики; у Бетти он эксплицируется в четырех «канонах», или методологических регулятивах, из которых первые два характеризуют объект, а два последних – субъект интерпретации.

1) *Канон автономии смыслового содержания* акцентирует независимость толкуемого смысла от субъективности («духа») интерпретатора. В смылосодержащей форме смысл воплощен как «покоящееся в себе» инобытие духа, и негативная задача интерпретатора состоит в том, чтобы не допустить по отношению к смыслу релятивизирующего субъективного произвола. Интерпретатор должен «противопоставить его себе как некое инобытие, как нечто объективное и чужое» [4, S. 13].

2) *Канон смыслового контекста, или принцип целостности*, Бетти формулирует в опоре на учение о герменевтическом круге Шлейермахера. «В свете этого канона выявляется взаимоотношение и когерентность между отдельными составными частями речи, как и вообще любого изъяснения мысли, а также общая для них соотнесенность с целым, частями которого они являются: соотнесенность друг с другом и с целым, делающая возможным взаимное высветление смыслов и прояснение смылосодержащих форм через отношение целого к его составным частям и наоборот» [4, S. 15].

3) *Канон актуальности понимания* фиксирует вышеозначенное требование включения толкуемого смысла в контекст жизненной актуальности интерпретатора. В методологическом аспекте это означает, что стремление к объективности интерпретации (в смысле первого канона) не следует понимать как стремление «избавиться от собственной субъективности» [4, S. 19].

4) *Канон герменевтического смыслового соответствия* эксплицируется в одноименном параграфе публикуемого фрагмента. В негативном смысле этот канон предполагает своего рода интеллектуальную открытость по отношению к толкуемому смыслу, т. е. способность отказаться от собственных предрассудков, поскольку они искажают понимание (по существу, здесь воспроизводится требование первого канона, т. е. идея смысловой автономии объекта). В позитивном же смысле здесь утверждается необходимость «конгениальной установки» по отношению к толкуемому предмету, которая, в свою очередь, требует определенной «широты взгляда», адекватного уровня компетенции интерпретатора.

В заключение я хочу наметить перспективу исторической локализации герменевтики Бетти, соотнеся ее с альтернативными проектами Гадамера

и Апеля.

1) Polemica Бетти против Гадамера, представленная в публикуемом фрагменте, базируется, на мой взгляд, на существенном недоразумении. Дело в том, что исходным пунктом герменевтических исследований Бетти является субъект-объектное отношение (с поправкой на специфику объекта интерпретации), тогда как гадамеровские исследования нацелены на выявление принципиально не-субъективной («медиальной») онтологической основы такого рода отношений. Это противопоставление можно проиллюстрировать в следующих пунктах:

– Для Гадамера понимание – это не результат интерпретации как субъективной деятельности, но «событие», которое впервые делает возможной субъективность как таковую, а значит, и субъективную деятельность⁹. (Об этом упоминалось выше.)

– Гадамер не только *не ставит* вопрос о правильности понимания в смысле методически фундированной истинности (хотя не отрицает возможность его постановки): на онтологическом уровне исследования постановка такого вопроса *невозможна в принципе* – в силу де-субъективизирующей направленности философской герменевтики. Бетти же усматривает в этом диаметрально противоположную тенденцию к субъективизации (релятивизации) понимания¹⁰.

– Poleмизируя с гадамеровским учением об аппликативности понимания¹¹, Бетти понимает аппликацию (применение), опять же, как рационально обоснованный акт субъекта, осуществляемый в практически ориентированном (юридическом и теологическом) толковании нормативных текстов. Для Гадамера же применение – вопреки обычному словоупотреблению – не является *действием*; в предельно общей формулировке аппликацию в гадамеровском смысле можно определить как формирование субъектности интерпретатора в рамках понимания как медиального события¹².

В сущности, Бетти и Гадамер говорят на разных языках. Понимание, интерпретация, субъект, аппликация, истина – все базовые герменевтические понятия в контексте их концепций приобретают разные, иногда противоположные значения. На мой взгляд, представление о *несовместимости* этих герменевтических проектов, мотивирующее полемический накал текста Бетти, основано на недооценке этой кросс-концептуальной омонимии, что, конечно, не лишает интереса вопрос о систематическом соотношении *онтологии понимания* и *методологии интерпретации*.

2) Более соразмерным позиции Бетти представляется «наукоучение» К.-О. Апеля, поскольку в нем понимание рассматривается как когнитивное субъект-объектное отношение. Существенной новацией Апеля по отношению к методологической герменевтике является

коррекция противопоставления понимания и объяснения и, соответственно, герменевтической и естественнонаучной методологии. В отличие от Бетти, однозначно разделявшего «дух» как предмет интерпретации и природные объекты как предмет объяснения, Апель тематизирует их взаимопроникновение: «в понимаемых жизненных проявлениях ... понимание ... наталкивается на противоречия, будь то внутри традируемых текстов или между текстами и соответствующими действиями их авторов, – противоречия, которые совершенно невозможно разрешить с помощью герменевтических методов, делающих имплицитный смысл эксплицитным. Это противоречия, обусловленные взаимопроникновением (Ineinander) смысла и не-смыслового [элемента] (Unsinn), интендированных действий и реакций, имеющих природную детерминацию, – и полагающие границу «пониманию»» [3, S. 122]. Это обстоятельство обуславливает, по Апелю, ограниченность герменевтической методологии и *комплементарное* соотношение герменевтики и «сциентистики», т. е., в частности, опосредованность понимания объективирующим (квази-естественнонаучным) исследованием «духа». Иначе говоря, Апель выявляет предрассудок герменевтической «прозрачности» субъекта для себя самого (и другого) и дополняет базирующуюся на нем методологию Бетти программой анализа *отчуждения* (овеществления) как одного из измерений существования субъекта.

Примечания

¹ Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 05-03-03389а.

² *Teoria generale della interpretazione*. Milano, 1955.

³ *Die Hermeneutik als allgemeine Methodik der Geisteswissenschaften*. Tübingen, 1962 [4].

⁴ «В науках о духе объективность имеет совершенно иной смысл, нежели в естествознании, где мы имеем дело с предметом, сущностно отличным от нас самих» [4, S. 21].

⁵ Поскольку под смыслодержащими формами подразумеваются не только продукты индивидуального творчества, но и надындивидуальные феномены, следует иметь в виду, что в понятие «дух» Бетти – вслед за Дильтеем – включает также «объективный дух», которые не сводится к индивидуальному сознанию, но вместе с тем может быть понят только как выражение субъективности (общества, народа, социального института и т.п.).

⁶ «Не понимание возникает через толкование, но наоборот: толкование экзистенциально основано в понимании» [5, S. 148].

⁷ Об этом точнее всего Гадамер пишет в труде «Истина и метод» [2, с.

217].

⁸ «Понимая другого, притязая на то, что мы его знаем, мы лишаем всякой легитимации его собственные притязания. ... Историческое сознание знает об инаковости другого, о прошедшем в его инаковости, так же хорошо, как понимание «Ты» знает это «Ты» в качестве личности» [2, с. 423–424].

⁹ Ср. гадамеровскую трактовку исторического бытия как «субстанции» субъективности [2, с. 357–358].

¹⁰ См. параграф «Вопрос о правильности понимания».

¹¹ См. параграф «Требование аппликации истолкования» и следующий.

¹² Это определение может быть конкретизировано в разных аспектах (см., например: [1]).

1. Борисов Е. Понимание и субъективность: герменевтические стратегии Х.-Г. Гадамера и К.-О. Апеля // Problemos.– № 66 (1).– Vilnius, 2004.– С. 17–22.
2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод.– М., 1988.
3. Apel К.-О. Transformationen der Philosophie. Bd. 2. Das Apriori der Kommunikationsgemeinschaft. Frankfurt/M., 1994.
4. Betti E. Die Hermeneutik als allgemeine Methodik der Geisteswissenschaften. Tübingen: Mohr, 1962.
5. Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen, 1986.

Эмилио Бетти

ГЕРМЕНЕВТИКА КАК ОБЩАЯ МЕТОДОЛОГИЯ НАУК О ДУХЕ (фрагмент)*

(перевод с немецкого Евгения Борисова)

К теологической герменевтике и «демифологизации» керигмы

По моему мнению, недавно предпринятая проф. Эбелингом попытка скорректировать общераспространенные взгляды на герменевтику побуждает к прояснению упомянутого заблуждения и немало способствует его устранению [10]. Различая общую и специально-теологическую герменевтику, он исходит из булырмановского положения, согласно которому некое особое направление вопроса обуславливает специфически-теологическую его постановку, которая посредством своеобразных структур и критериев стремится к экзегетическому и догматическому пониманию текстов. Но этим задается связь с общим учением о понимании, – и теперь встает вопрос: как эту связь следует понимать? Можно поставить вопрос и так: каким образом соотносятся слово и понимание? И далее: каково последнее конститутивное основание герменевтики? Эбелинг дает ответ, диаметрально противоположный обычным воззрениям: первичный феномен понимания – это не понимание языка, но понимание *посредством* языка. Слово, стало быть, – не «объект